

Локативный сакральный центр в мифопоэтической картине мира Александра Башлачева

Виталий А. Гавриков

*Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена трем основным сакральным категориям мифопоэтической системы Александра Башлачева, которые связаны с эсхатологической концепцией поэта. Эти категории: время конца света, место суда, «эсхатологический актанта» – мессия. Данная концепция разработана в зрелом творчестве поэта (конец 1985 – первая половина 1986 г.). Согласно его воззрениям, мир находится в преддверии великого эсхатологического события, названного в разных песнях по-разному (Время Сбора Камней, Страшный зуд, Скучный день и т. д.). В этот момент миру явится мессия, который скрыт за поэтической формулой – Имя Имен. До сих пор башлачеведение не дало ответа на вопрос: где же, согласно воззрениям поэта, произойдет это «событие событий». То есть имеющиеся исследования еще не определили сакральный центр башлачевской мифопоэтической системы. Автор статьи доказывает, что таким центром стала Сибирь. Это связано с биографическими коллизиями поэта: поездкой в Новосибирск в конце 1985 г., в ходе которой произошел творческий прорыв. Выход на новый качественный уровень поэт связал с особой атмосферой Сибири и тем людьми, которые живут здесь. Согласно Башлачеву, новый мессия выйдет из среды сибиряков – как людей, причастных особой сакральной силе. Соответственно, в эсхатологических текстах Башлачева, посвященных рождению мессии – Имени Имен проявляется сибирский хронотоп.

Ключевые слова: Александр Башлачев, миф, мифопоэтика, эсхатология, хронотоп, художественное пространство, художественное время, Имя Имен

Для цитирования: Гавриков В.А. Локативный сакральный центр в мифопоэтической картине мира Александра Башлачева // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 2. С. 197–205. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-197-205

Locative sacral center in Alexander Bashlachev's mythopoetic picture of the world

Vitalii A. Gavrikov

*Bryansk Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Bryansk, Russia, yarosvettt@mail.ru*

Abstract. The article is about the three main sacred categories of Alexander Bashlachev's mythopoetic system: the time of the end of the world, the place of the Last Judgment, the personality of the messiah. Such a concept was developed in the poet's mature work (end of 1985 – first half of 1986). According to Bashlachev's views, the world is on the eve of a great eschatological event, named differently in each of the songs(time of the Gathering of Stones, the Last Judgment, the Day of Judgment, etc.). At that moment, the messiah who is hidden behind the poetic formula, the Name of Names, will appear to the world. Studying Bashlachev's works have not yet answered the question: where in the mythopoetic picture of the world will this "Event of Events" take place. That is, the available research has not yet revealed the sacred center of Bashlachev's mythopoetic system. The author of the article proves that it was Siberia that became such a center. It is connected with the biographical collisions of the poet: a trip to Novosibirsk at the end of 1985, during which a creative breakthrough occurred. The poet associated that new qualitative level with the special atmosphere of Siberia and the people who live here. According to Bashlachev, the new messiah will come from among the Siberians, because they are people involved in sacred power. Accordingly, in the eschatological texts of Bashlachev, dedicated to the birth of the messiah (the Name of Names), the Siberian chronotope is explicated.

Keywords: Alexander Bashlachev, myth, mythopoetics, eschatology, chronotope, artistic space, artistic time, Name of Names

For citation: Gavrikov, V.A. (2023), "Locative sacral center in Alexander Bashlachev's mythopoetic picture of the world", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no 3, part 2, pp. 197–205, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-197-205

Считается, что миромоделирующие координаты – это сердцевина художественного мира того или иного писателя или поэта. Ю.М. Лотман определяет художественное пространство как «модель мира данного автора» и утверждает, что «язык пространственных представлений в литературном творчестве принадлежит к первичным и основным» [Лотман 1992, с. 448]. Однако про-

странственный континуум неразрывно связан с темпоральными характеристиками. При этом нужно понимать, что в художественном тексте перед нами нечто существенно отличное от реального пространства-времени, то есть мы имеем дело с некой вторичной моделью. М.М. Бахтин считает важнейшим атрибутом художественного мира именно пространственно-временной континуум, который он называет хронотопом. Тот представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе – (времяпространство)» [Бахтин 1975, с. 236].

Пространственно-временной континуум в творчестве Башлачева исключительно важен, потому что локализует два сакральных центра его мифопоэтики: пространственный и временной. Однако башлачевский хронотоп нельзя охарактеризовать как некую целостность, что делают некоторые исследователи, потому что картина мира у поэта существенно менялась – и не единожды. Поэтому речь нужно вести о нескольких стадияльно сменявших друг друга картинах мира. При этом наибольший резонанс в русской культуре получила не последняя башлачевская картина мира, а та, которая была активно разрабатываемая с конца 1985 г. по лето 1986-го (в моей классификации – это пятый творческий этап из шести, см. об этом: [Гавриков 2021]).

При этом именно вопрос сакрального центра – это ключевой вопрос данного творческого этапа Башлачева. Получается, что на пике творческих сил поэт был максимально устремлен к самой сакральной точке своей мифопоэтики, в которой сошлись три, условно говоря, «аспекта», которые можно обозначить тремя вопросами: кто? когда? где? В этих вопросах хронотоп сходится с именем. Вспомним слова А.Ф. Лосева:

Миф есть развернутое магическое имя. И тут мы добрались уже до той простейшей и окончательной сердцевины мифа, дальше которой уже нет ничего и которое дальше неразложимо уже никакими способами. Это – окончательное и последнее ядро мифа... [Лосев 1994, с. 196].

Соответственно, если ответить на эти три вопроса, можно, на мой взгляд, добраться до самой сердцевины башлачевского поэтического мира (и мифа).

Прежде чем ответить на эти три вопроса, я хочу бегло охарактеризовать динамику развития башлачевского хронотопа. Этому вопросу была отчасти посвящена моя кандидатская диссертация, кроме того, первые подступы к теме предпринял С.В. Свиридов в ряде статей конца 90-х – начала нулевых, а современный взгляд на данный вопрос – см. в монографии К.Ю. Пауэр [Пауэр 2020].

Итак, на мой взгляд, можно выделить шесть этапов в творческом становлении автора. Первый этап – допесенный и ученический: Башлачев пишет «бумажные стихи» и тексты для группы «Рок-Сентябрь». Второй этап – «бардовский» (так его называл и сам автор): поэт берет в руки гитару, он создает ряд произведений в эстетике авторской песни. Третий этап – «почвеннический»: Башлачев погружается в русскую стихию, обретает неповторимый стиль, главная тема – Россия. Четвертый этап – «танатологический», или «балладный»: поэт пишет ряд сюжетных произведений, как правило, о смерти. Но главное – входит в полную поэтическую силу, а также начинает выстраивать свой «окказиональный миф». Пятый этап – «корнесловный» (по особенностям работы с поэтическим материалом), или «мессианский» (исходя из этико-аксиологических установок), или даже «эсхатологический» (поэт ожидает скорого апокалипсического обновления мира «в стиле» Нью-Эйдж) – это вершина творческого развития Башлачева. Шестой этап поэтологический: поэт разочаровался в своем мессианстве, в советском роке, не дождался апокалипсиса, и он хочет предстать перед зрителем в виде поэта с гитарой – «человека поющего» (таково итоговое его самоназвание). На последнем этапе поэт как бы «выходит из мифа».

Эти шесть этапов порождают три темпоральные модели. Первая из них: «время – замкнутый круг». Это период онтологического безвременья («Давным-давно здесь время захромало...»), когда или ничего не происходит, или происходит, но не дает здоровых плодов: «здесь неба нет, а только кислород» (обе цитаты из стихотворения «Ах, до чего ж веселенькая дата!...»). Если время и движется, то по замкнутому кругу, ключевая песня первого этапа – в разрезе темпоральности – «Рыбный день», где есть мотив «резвого плавания в ночном горшке» (круговое движение), происходящее в течение «миллиона рыбных лет».

Темпоральная модель № 2 может быть обозначена как «время – спираль». Ключевая в нашем контексте песня данной модели – это, конечно, «Ржавая вода», в которой прослеживаются некоторые переключки с «Рыбным днем». В более позднем произведении время уже спирально, о чем свидетельствует образ водоворота. Но эта спираль все еще бесцельна: перед нами «водовороты пустых площадей», в которых «кольцами года завиваются».

Третья темпоральная модель – «великий канун». Лирический герой позднего Башлачева ждет скорого обновления мира на новых, справедливых началах («Скоро, скоро, ты только не спеши...», «Все будет хорошо»). Причем это не только вселенское, но и личное обновление. У спирали, разработанной во второй модели, появля-

ется острее – некое Событие Событий, данное в таких поэтических формулах, как Время Сбора Камней, Страшный зуд, Скучный день и т. д. Эту особенность заметил Э.Дж. Куэлин: в песне «На жизнь поэтов» «появляется надежда, что цикл смерти и возрождения закончится после семи кругов и что поэт будет освобожден, выйдя на восьмой круг» [Qualin 2007, с. 146] (перевод мой). Так личное освобождение смыкается со вселенским, так «малая эсхатология» сходитсся с «большой эсхатологией», а микрокосм – с макрокосмом.

Теперь поговорим о пространстве. Первая темпоральная модель может быть обозначена так: «унылая советская действительность vs гармоничные иллюзорные миры». Квинтэссенцией этого этапа являются строки: «Здесь тупиком кончается дорога. <...> Здесь скучно. самого занюханного бога / Не привлечет наш неказистый рай» («Здесь тупиком кончается дорога»). Вот что отмечает К.Ю. Пауэр: «Все описанное пространство проникнуто чувством безысходности: колодцы бесполезны – в них замерзла вода; задуманный замок не удался – построен лишь сортир» [Пауэр 2017, с. 83].

Альтернатива этому серому миру – иллюзорные, блаженные миры, где есть место чуду: «Реальность в текстовом пространстве А. Башлачева расчленяется на существующую здесь и сейчас и на возможную, желаемую. Закономерным является то, что реальность “здесь” наделяется отрицательными, негативными коннотациями», – указывает Д.И. Иванов [Иванов 2007, с. 85].

Вторая пространственная модель: «двоемие как взыскание мистической подлинности». Здесь художественный мир Башлачева резко демаркируется на область профанную и сакральную, гораздо сильнее чувствуются апелляции к мифу, по сути, певец уже создает свою первую мифопоэтическую картину. Намечается выход за пределы видимого мира: в пространство сакральных смыслов, потаенной России, смерти.

Третьей пространственной моделью можно было бы посчитать проявление центральной, самой сакральной точки башлачевского мифопоэтического пространства. Мы помним, что библейский День гнева (который часто называют Страшным судом) – это событие, привязанное к конкретной точке на оси истории, лишь после Суда «времени больше не будет». И у этой «апокалипсической темпоральности» есть свой сакральный центр, место Суда – долина Иосафата. Логично предположить, что и у Башлачева есть этот центр, он и мог быть вынесен в некое отдельное пространство. Но главное – где эта самая сакральная точка?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно порассуждать о третьем важном аспекте эсхатологической модели поэта, которую я обозначил вопросом: «кто?» Тут все более-менее очевидно:

актантом последнего эсхатологического события в мифопоэтике Башлачева выступает Имя Имен (см. одноименную песню). Это сложный образ-символ, о котором сейчас нет необходимости говорить подробно. Отмечу лишь его многослойность, которая раскрывается не только через обращение к одноименной песне, но и в интервью поэта. Главное же здесь то, что Имя Имен – это некий одновременно и новый креститель (перекрестит в новую веру, подобно Владимиру Красное Солнышко – см. текст песни), и новый мессия со множеством христологических атрибутов.

Итак, на данный момент в башлачеведении ответы на вопросы «кто?» и «когда?» – в эсхатологическом их контексте – уже даны. Нет пока ответа на вопрос «где?». Есть все основания предположить, что место рождения мессии (ср.: «Имя Имен – в первом вопло признаешь ли ты, повитуха?») – Россия. В этой песне есть много русских примет: рождает Имя Имен «девица Маша» («русифицированная» Дева Мария), родовая кровь проливается на снег («Кровь на снегу – земляника в январском лукошке»), появляются купола церквей, колокола и т. д. Русских примет (в том числе литературных, фольклорных, исторических) в тексте предостаточно.

Но где конкретно в России произойдет это «второе пришествие»? Я считаю, что это не какой-то неопределенный уголок страны, а именно Сибирь как сакральная сердцевина России. Косвенно на этот центр указывает фрагмент из песни: «Как ветра осенние...»: «Я хотел бы жить и умереть в России, / Если б не было такой земли – Сибирь». Речь тут, конечно, не о сепаратистском противопоставлении «колонии» и «метрополии», а – через отсылку к Маяковскому – о главном сакральном локусе страны. В песне «Случай в Сибири» есть такая фраза: «Какие люди здесь живут! / Как хорошо мне с ними!» Однако все это – лишь косвенные указания на то, что сакральной точкой апокалипсиса, эдакой русской «долиной Иосафата» станет Сибирь. Есть ведь еще и родная Башлачеву Вологодщина, где тоже не жарко.

Самым важным в нашем вопросе становится другое сибирское произведение: стихотворение «Он рожден, чтобы выжить, в провинции...», посвященное Николаю Каткову (представитель ново-сибирских рок-кругов). Оно начинается так: «Жил в запечной, скупой провинции, / Там, где вечера на Оби» – я подчеркиваю здесь сибирский контекст. А завершается так:

Тот, кто выжил в скупой провинции,
Сядет в красном, богатом углу.
Тот, кто провинился в провинции,
Тот великой столице – к столу!

Значит, время полоть поле-полюшко.
Нынче новое рождество.
Вот живет Николай. Коля. Колюшка.
И Бог верит только в него.

Тут все достаточно прозрачно: «сядет в красном углу», значит, станет «иконой в размере оклада» (ею становятся поэты из песни «На жизнь поэтов»), то есть обретет святость. Великая столица – уж рискну утверждать, что это не Москва, а эсхатологический город «всяя Земли», некий «небесный Иерусалим». «Полоть поле-полюшко» – у Башлачева многократно обыгран евангельский мотив сева, эсхатологической жатвы и человека-колоса, это вообще чуть ли не главный образ-символ его идиопозитики. Но главное здесь: «второе рождество» – это можно оставить без комментариев (см. песню «Имя Имен»), разве что указать на темпоральный маркер «нынче», то есть скоро, «при дверях».

А главное здесь – фраза: «Бог верит только в него». Сравним с «Именем Имен»: «Имя Имен. / Сам Господь верит только в него». Совпадение практически дословное. Вот так сошлись сибирский текст, эксплицитно данный в стихотворении, посвященном Каткову, и главная эсхатологическая песня Башлачева! Это не значит, что поэт считает новым мессией Николая Каткова, это скорее указывает на то, что эсхатологический пророк выйдет из среды таких вот сибирских «Катковых» (напомню эти строки: «Какие люди здесь живут! Как хорошо мне с ними!», «Случай в Сибири»).

Многое становится понятным, если мы обратимся к биографии поэта, т. е. к хронологии происходящего. В декабре 1985 г. Башлачев впервые посещает Сибирь (Новосибирск), пишет стихотворение Каткову, где появляются мотивы, которые потом будут развиты в самых поздних эсхатологических текстах. Здесь же происходит и некое духовное обновление поэта, ставшее – рискну предположить – главным событием в творческой эволюции Башлачева. А значит – перед нами своеобразный сакральный центр башлачевской творческой биографии.

По моей просьбе сестра поэта Елена Башлачева связалась с Николаем Катковым по поводу этого стихотворения. Он написал: «Насколько мне не изменяет память, Саша написал это стихотворение в ту же рождественскую ночь, когда и поздравил меня открыткой, которую ты видела». Предположу, что текст был написан несколько ранее, а преподнесен как подарок к Рождеству (издатели датой написания ставят 1985 год, декабрь). Впрочем, точная хронология по дням здесь не так важна. Главное, что Сибирь произвела переворот в творческом мировоззрении поэта, именно отсюда нужно

отсчитывать башлачевскую эсхатологию, да и вообще, по сути, всю зрелую поэтику певца. Поэтому понятно, почему именно в Сибири явится пророк апокалипсиса. Эта сакральная сибирская энергия, которая так изменила поэта, впоследствии должна «материализоваться» в новом мессии – Имени Имен.

Итак, Башлачев выстроил многоярусное здание своей мифопоэтики, фундаментом которого стали пространственно-временные характеристики. Сакральность временных категорий, если так можно выразиться, увеличивалась, нарастала, особенно по мере творческого продвижения к великому эсхатологическому обновлению. У башлачевского хронотопа есть сакральный центр: это Сибирь, где в тот момент, когда наступит Время Сбора Камней, и явится миру мессия – Имя Имен. То есть Сибирь, по Башлачеву, это, вероятно, и новый Вифлеем, и новый Иерусалим, и место последнего суда – долина Иосафата. Все сказанное мне кажется сердцевиной, главным образно-символическим ядром мифопоэтики Александра Башлачева, которой я занимаюсь уже около 20 лет. И вот теперь, кажется, наконец «картинка проявилась».

Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
- Гавриков 2021 – *Гавриков В.А.* Еще раз о творческих этапах А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь. 2021. № 21. С. 115–126.
- Иванов 2007 – *Иванов Д.И.* Поэтика сна в романтической лирике А. Башлачева (предварительные замечания) // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2007. С. 85–91.
- Лосев 1994 – *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 479 с.
- Пауэр 2017 – *Пауэр К.Ю.* Образ черных дыр в поэзии Александра Башлачева // Филологические чтения ЯРГУ им. П.Г. Демидова: Материалы конф. Ярославль, 2017. С. 82–84.
- Пауэр 2020 – *Пауэр К.Ю.* Структура художественного пространства в русской рок-поэзии: Александр Башлачев, Егор Летов и Янка Дягилева: Монография. М.: Выргород, 2020. 383 с.
- Qualin 2007 – *Qualin A.* The Messianic Skomorokh: From cathartic laughter to the transcendent word in the works of Alexander Bashlachev // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Вып. 9. Екатеринбург; Тверь, 2007. С. 140–148.

References

- Bahtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Gavrikov, V.A. (2021), "Once again about the creative stages of A. Bashlachev", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context], Ekaterinburg; Tver, Russia, no 21, pp. 115–126.
- Ivanov, D.I. (2007), "Poetics of dream in the romantic lyrics of A. Bashlachev (preliminary remarks)", *Dergachevskie chteniya – 2006. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Conference – 2006. Russian literature. National development and regional features], Proceedings of the International Scientific Conference, Ekaterinburg, Russia, pp. 85–91.
- Losev, A.F. (1994), *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence], Mysl', Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1992), *Izbrannyye stat'i* [Selected articles], in 3 vols., vol. 1, Aleksandra, Tallin, Estonia.
- Pauer, K.Yu. (2017), "The Image of Black Holes in Alexander Bashlachev's Poetry", *Filologicheskie chteniya YaRGU im. P.G. Demidova* [YaRGU Demidov Conference on Philology], Proceedings of the Conference, Yaroslavl, Russia, pp. 82–84.
- Pauer, K.Yu. (2020), *Struktura khudozhestvennogo prostranstva v russkoy rok-poezii: Aleksandr Bashlachev, Egor Letov i Yanka Dyaghileva* [The structure of artistic space in Russian rock poetry. Alexander Bashlachev, Yegor Letov and Yanka Diaghileva, Monograph], Vyrgorod, Moscow, Russia.
- Qualin, A. (2007), "The Messianic Skomorokh. From cathartic laughter to the transcendent word in the works of Alexander Bashlachev", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context], Collection of scientific works, no. 9, Ekaterinburg; Tver, Russia, pp. 140–148.

Информация об авторе

Виталий А. Гавриков, доктор филологических наук, профессор, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянск, Россия; 241050, Россия, Брянск, ул. Горького, д. 18; yarosvettt@mail.ru

Information about the author

Vitalii A. Gavrikov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Bryansk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russia; bld. 18, Gor'kogo Street, Bryansk, Russia, 241050; yarosvettt@mail.ru